НЕЗНАКОМЕЦ ИЗ ПОЕЗДА

Саша Сандра

18+

Саша Сандра

Незнакомец из поезда

«Автор»
2026

Сандра С.

Незнакомец из поезда / С. Сандра — «Автор», 2026

Одна ночь в поезде. Две полоски. И мужчина, который появился слишком поздно.Он узнал меня с первого взгляда. А я его - нет.Я не собиралась его прощать. Он не собирался оставаться. Но судьба свела нас снова, и теперь мы снова оба играем с огнем.Смогу ли отпустить того, кто однажды уже отказался от нас?

© Сандра С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Обычное утро 5
Глава 2. Ноябрь 7
Глава 3. Тест. 9
Глава 4. Срок 11
Глава 5. Детские вещи 14
Глава 6. Кроватка 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Саша Сандра
Незнакомец из поезда

Глава 1. Обычное утро

Я проснулась в 6:47 — за три минуты до будильника, как всегда. Тело само знало расписание, даже если голова ещё спала. За окном ноябрь размазал серую краску по небу, и в комнате было то особое предрассветное молчание, когда слышно, как гудит холодильник на кухне и тихо щёлкает батарея.

Мне было сорок. Ровно сорок — не «сорок с хвостиком», не «под сорок», а честные сорок, которые я отметила две недели назад в ресторане с подругами. Пили белое вино, смеялись над тем, как быстро летит время, и Ленка сказала: «Ну всё, Анька, теперь ты официально взрослая тётя». Я тогда засмеялась громче всех.

Я лежала и слушала своё тело. Последние месяцы оно вело себя странно: то тошнило по утрам, то кружилась голова, то поясница ныла так, будто я таскала мешки. Я списывала всё на возраст, на усталость, на щитовидку — на что угодно, кроме очевидного. В моём мире очевидного просто не могло быть. Я была одна уже шесть лет, с тех пор как ушёл Сергей. Детей у нас не получилось — ни тогда, ни раньше, хотя мы старались. Врачи пожимали плечами, говорили «бывает», предлагали ЭКО, но Сергей не хотел, а потом и вовсе ушёл к другой — молодой, которой, наверное, повезло больше.

С тех пор я жила одна в двушке на четвёртом этаже, работала редактором в небольшом издательстве, разводила фиалки на подоконнике и ходила по субботам в бассейн. Жизнь была ровная, предсказуемая, немного пресная — и я давно решила, что меня это устраивает.

Я села на кровати, и мир качнулся. Привычно, почти буднично. Я оперлась рукой о стену, переждала волну дурноты и встала. В зеркале отразилась женщина с усталым лицом, с припухшими веками и животом, который в последнее время стал каким-то… округлым. Я купила себе свободные свитера, решила, что это от сидячей работы, и перестала смотреться в профиль.

«Надо записаться к эндокринологу», — подумала я, натягивая халат.

На кухне зашумел чайник. Я достала из холодильника йогурт, но, едва открыв крышку, почувствовала знакомый приступ тошноты и отставила баночку в сторону. Вместо завтрака я налила себе воды с лимоном и села к окну. За стеклом дворник скрёб асфальт, женщина с коляской шла к подъезду, где-то лаяла собака. Обычное утро. Обычная жизнь.

Телефон пискнул — сообщение от Ленки: «Ты как, беременная? Шучу. Пойдём в пятницу в кино?»

Я усмехнулась и напечатала: «Пойдём. Только не на ужасы, у меня и так нервы».

Я допила воду, приняла душ, оделась — серое платье, которое уже стягивало в груди, — и вышла из дома. На работе меня ждали рукописи, правки, автор, который не хотел сокращать свой роман на двести страниц. Всё как всегда.

Ни я, ни кто-либо вокруг ещё не знал, что через несколько недель моя обычная жизнь закончится. Прямо здесь, в этой квартире, на этом самом полу, где я сейчас стояла, раздастся первый крик — и мой мир перевернётся навсегда.

Но до этого было ещё далеко. Пока что я просто шла к метро, прятала руки в карманы пальто и думала о том, что надо бы наконец купить нормальные витамины.

Глава 2. Ноябрь

На работе я первым делом включила компьютер и уставилась в рукопись, которую нужно было вычитать к среде. Роман был толстый, тягучий, про любовь в провинциальном городке, и автор — немолодой мужчина из Твери — каждый раз обижался, когда я предлагала что-то сократить. «Анна Сергеевна, это же жизнь! — писал он мне. — Нельзя сокращать жизнь!» Я вздыхала и правила дальше.

К обеду меня снова замутило. Я сидела в своём маленьком кабинете, который делила с Верочкой из отдела продаж, и вдруг поняла, что не могу смотреть на бутерброд, который принесла из дома. Просто не могу — запах сыра ударил в нос так, что пришлось выйти в коридор и постоять у окна, дыша холодным воздухом из приоткрытой створки.

— Ань, ты чего зелёная? — спросила Верочка, когда я вернулась. — Заболела?

— Не знаю, — честно сказала я. — Что-то последнее время разбитая хожу. Наверное, давление.

— Сходи к врачу, — посоветовала она с той лёгкостью, с какой советуют люди, у которых всё в порядке. — В нашем возрасте шутить с этим нельзя.

«В нашем возрасте». Я кивнула и улыбнулась, но внутри что-то кольнуло. Мне вдруг стало обидно — не на Верочку, нет, она желала добра. На саму себя. За эти годы я так привыкла быть «женщиной в возрасте», что перестала замечать собственное тело. Оно стало чем-то вроде мебели: есть, стоит, выполняет функции. Я ходила в бассейн, чтобы не болела спина, ела овощи, чтобы не болел желудок, спала восемь часов, чтобы не болела голова. Всё это было не про меня, а про то, чтобы я могла дальше работать и не мешать самой себе жить.

Вечером я пошла домой пешком. Ноябрьский воздух был сырой и колкий, под ногами хлюпала мокрая листва, фонари зажигались рано и тускло. Я шла и думала о том, что надо бы записаться к терапевту. Потом — что надо бы купить новые джинсы, потому что старые не застёгиваются. Потом — что, наверное, это всё-таки возраст, и ничего с этим не поделаешь.

Дома я сняла пальто, включила свет в коридоре и вдруг замерла. В квартире было непривычно тихо. Не как обычно — когда тишина мягкая, обжитая, своя. А как-то иначе. Словно стены ждали чего-то вместе со мной.

«Глупости», — сказала я вслух. Мой голос прозвучал странно.

Я прошла на кухню, поставила чайник, достала из шкафчика печенье — и поняла, что не хочу ни чая, ни печенья. Хотела я только одного: лечь. Просто лечь и чтобы никто не трогал.

Так я и сделала. Легла на диван, накрылась пледом, положила руку на живот — и только тогда, в этой полутёмной комнате, где горел лишь торшер, я вдруг почувствовала что-то. Тонкое, едва уловимое. Как будто внутри меня что-то шевельнулось. Не боль, не спазм — а мягкий, лёгкий толчок, словно кто-то провёл ладонью изнутри.

Я замерла. Прислушалась. Тишина. Только сердце стучало где-то в горле.

— Что за ерунда, — прошептала я и убрала руку. — Кишечник. Газы. Всё что угодно.

Но руку я потом положила обратно. И лежала так долго, до самой ночи, пока не уснула прямо на диване, не раздевшись.

Утром я проснулась от того, что меня тошнило — сильно, до пота, до дрожи в коленях. Я едва успела добежать до ванной. Потом села на пол, прижалась спиной к холодной стене и заплакала. Сама не поняла почему. Просто слёзы текли, и я не могла их остановить.

Телефон звонил — Ленка, наверное, или работа. Я не встала. Я сидела на полу в ванной, в халате, с мокрым от слёз лицом, и в голове у меня билась одна мысль, глупая, невозможная, которую я гнала от себя всеми силами.

«Нет. Не может быть. Мне сорок. Я одна. Это невозможно».

Я закрыла глаза. И снова почувствовала это — лёгкое, тёплое, живое движение внутри. Как будто кто-то там, в темноте, сказал мне: «Я здесь».

Глава 3. Тест.

Я не пошла на работу. Позвонила Верочке, сказала, что температура, что-то подхватила, отлежусь денёк. Она посочувствовала, пожелала выздороветь и попросила не задерживаться — автор из Твери опять прислал правки. Я пообещала и положила трубку.

Потом долго сидела на кухне, пила воду мелкими глотками и смотрела в одну точку. За окном моросил дождь, по стеклу ползли капли, во дворе кто-то ругался на парковке. Обычный мир, обычные звуки. А у меня внутри всё сжалось в один тугой комок.

Я знала, что надо сделать. И я знала, что не хочу этого делать.

В конце концов я встала, надела то самое пальто, в котором была вчера, и вышла. Аптека была в соседнем доме, я ходила туда за витаминами и пластырями, здоровалась с аптекаршей, женщиной с усталыми глазами и аккуратной чёлкой. Сейчас я шла туда как на эшафот.

Внутри пахло спиртом и лекарствами. Аптекарша подняла на меня глаза и кивнула — мол, слушаю.

— Здравствуйте, — сказала я, и голос сорвался. Я откашлялась. — Мне бы… тест.

— Какой? — уточнила она буднично, как будто спрашивала про аспирин.

— На беременность, — выговорила я. Слово прозвучало нелепо, почти неприлично, как если бы я попросила что-то стыдное.

Она даже бровью не повела. Протянула руку к полке, достала коробочку, положила передо мной на прилавок.

— Двадцать три рубля.

Я расплатилась, взяла маленький картонный пакетик и вышла. По дороге домой мне казалось, что все на меня смотрят. Что все понимают, зачем я ходила в аптеку. Что вот сейчас откроется асфальт и поглотит меня вместе с этим пакетиком, в котором лежала моя судьба.

Дома я заперла дверь на оба замка, хотя жила одна. Сняла пальто, повесила его на крючок, потом сняла и повесила снова — не могла найти себе места. В ванной было холодно, свет лампы дёргался, как всегда. Я села на край ванны и распечатала коробочку.

Инструкция была простая: опустить полоску, подождать, посмотреть на две линии. Две линии — да, одна — нет. Всё просто. Всё чудовищно просто.

Я сделала всё, как было написано. Положила тест на край раковины и вышла из ванной. Села на пол в коридоре, спиной к стене, и стала ждать. Три минуты. Сто восемьдесят секунд. Я считала их про себя, как считают удары сердца в темноте.

На сто восьмидесятой секунде я встала. Ноги были ватные. Я толкнула дверь в ванную, шагнула внутрь и посмотрела на раковину.

Две полоски.

Яркие, чёткие, обе розовые, как в инструкции. Я смотрела на них и не понимала, что вижу. Потом взяла тест в руки, поднесла к лампе, потом к окну. Полоски не исчезли. Они были там, на белой пластинке, такие же реальные, как моя рука, которая их держала.

Я села на пол. Просто села, прямо там, на холодный кафель, и уставилась перед собой. В голове было пусто. Ни мыслей, ни чувств — только странный белый шум, как помехи в старом телевизоре.

А потом я вдруг подумала: «А когда?» И эта мысль была хуже всего остального. Потому что я не могла вспомнить. Совсем. Я перебирала недели, месяцы, события — и не находила ничего. Ни одной ночи, ни одного мужчины, ни одной случайности, которая могла бы объяснить эти две полоски.

«Значит, это ошибка», — сказала я себе. Тест врёт, аптека попалась плохая, гормоны шалят, мне сорок лет, в конце концов. Я выбросила тест в мусорное ведро, умылась холодной водой и пошла спать. Уснула я мгновенно, как будто тело отключилось само, чтобы не думать.

Утром я проснулась от того, что меня тошнило — сильно, до пота, до дрожи в коленях. Я едва успела добежать до ванной. Потом села на пол, прижалась спиной к холодной стене и заплакала. Сама не поняла почему. Просто слёзы текли, и я не могла их остановить.

Телефон звонил — Ленка, наверное, или работа. Я не встала. Я сидела на полу в ванной, в халате, с мокрым от слёз лицом, и в голове у меня билась одна мысль, глупая, невозможная, которую я гнала от себя всеми силами.

«Нет. Не может быть. Мне сорок. Я одна. Это невозможно».

Я закрыла глаза. И снова почувствовала это — лёгкое, тёплое, живое движение внутри. Как будто кто-то там, в темноте, сказал мне: «Я здесь».

Глава 4. Срок

К врачу я записалась только через три дня. Эти три дня прошли как в тумане. Я ходила на работу, читала рукописи, отвечала на письма, пила чай с Верочкой — и всё это время внутри меня жила одна-единственная мысль, которая не давала дышать. Две полоски. Две полоски. Две полоски.

Я перепроверила. Купила ещё два теста, в другой аптеке, подальше от дома. Оба показали то же самое. На третий день я сдалась и позвонила в платную клинику — ту, где когда-то наблюдалась по женской части, ещё при Сергее, когда мы надеялись. Записалась к гинекологу, женщине по фамилии Крылова, которую мне когда-то рекомендовала Ленка.

В кабинет я вошла, как в холодную воду — зажмурившись.

Крылова оказалась невысокой женщиной лет пятидесяти, с короткой стрижкой и внимательными глазами. Она выслушала меня молча, кивнула, задала несколько вопросов — про цикл, про самочувствие, про то, когда я последний раз была у врача. Я отвечала сбивчиво. Про цикл сказала честно: не следила. Года три как перестала. Решила, что в моём возрасте это уже неважно.

— Ложитесь, посмотрим, — сказала она.

Я легла на кушетку, уставилась в потолок, в трещинку на побелке. Крылова водила датчиком по животу, смотрела в монитор и молчала. Я боялась дышать. Потом она остановилась, взглянула на меня и сказала спокойно:

— Анна Сергеевна, вы беременны. Срок — примерно тридцать две недели.

Я не поняла. Слова прозвучали как иностранные. Тридцать две недели. Я лежала и считала в голове: тридцать две недели — это восемь месяцев. Восемь месяцев. Я носила в себе ребёнка восемь месяцев и не знала.

— Как? — спросила я. Глупо, по-детски. — Как это возможно?

Крылова не улыбнулась. Она вообще не улыбалась, и я была ей за это благодарна.

— Такое бывает, — сказала она ровно. — Нечасто, но бывает. Если цикл нерегулярный, если женщина не следит за собой, если нет явных симптомов. У вас живот небольшой, ребёнок лежит глубоко. Плюс возраст — организм мог реагировать нестандартно. Вы чувствовали шевеления?

Я вспомнила тот мягкий толчок на диване. И ещё один, на прошлой неделе, ночью. И ещё — как будто рыба плеснула в воде.

— Чувствовала, — прошептала я. — Но думала, что это… кишечник.

— Это был он, — сказала Крылова. — Вернее, она. У вас девочка.

Она повернула монитор ко мне. Я увидела серое, размытое пятно — и в нём что-то маленькое, согнутое, с тонкой ручкой у лица. Сердце билось — я видела, как мелькает тёмная точка на экране. Бьётся. Живое.

Я не помню, как вышла из кабинета. Помню только, что сидела в коридоре клиники, в кресле у окна, с бумажкой в руке — направлением на анализы и записью на приём через две недели. За окном шёл снег. Первый в этом году. Крупные хлопья падали медленно, ложились на асфальт и таяли.

Тридцать две недели. Восемь месяцев. Я прокручивала в голове последний год, как плёнку, и на этот раз заставила себя вспомнить всё. Февраль — ничего. Март — командировка в Казань, семинар по издательскому делу. Апрель — Ленкин день рождения, гости, вино. Май — дача, копка грядок, и я тогда удивлялась, почему так быстро устаю. Июнь — я перестала носить джинсы и перешла на свободные платья. Июль — отменила поездку на море, потому что «разболелась спина». Всё сходилось. Всё было перед глазами, и я ничего не увидела.

А потом я вспомнила. Тот вечер в конце марта. Казань. Поздний поезд домой, плацкарт, душно. Мужчина напротив, лет сорока пяти, читал книгу. Мы разговорились, потом выпили в тамбуре, потом… Я тогда сказала себе, что это случайность, что так бывает, что никто никогда не узнает. Мы даже фамилиями не обменялись. Он сошёл на своей станции рано утром, я спала и не проснулась попрощаться. И забыла. Просто вычеркнула из памяти, как вычёркивают неловкий сон.

Вот оно. Восемь месяцев назад. Один вечер. Одна ночь. И теперь — девочка.

Я сидела в кресле, смотрела на падающий снег и вдруг поняла, что улыбаюсь. Впервые за эти дни. Сквозь слёзы, сквозь страх, сквозь растерянность — я улыбалась.

Потом достала телефон и набрала Ленку.

— Лен, — сказала я, и голос дрогнул. — Ты была права.

— В чём? — не поняла она.

— Я беременная.

В трубке стало тихо. Потом Ленка выдохнула:

— Ты шутишь.

— Нет.

— Анька… — она замолчала, а потом закричала так, что я отодвинула телефон от уха. — АНЬКА! Ты серьёзно?! Ты… сколько?!

— Тридцать две недели.

— Тридцать… — она поперхнулась. — Ты что, рожать скоро?!

— Да, — сказала я. И впервые произнесла это вслух, вслух, всерьёз, глядя на снег за окном. — Я скоро рожу.

Глава 5. Детские вещи

Ленка приехала ко мне в тот же вечер. Я открыла дверь, и она секунду стояла на пороге, глядя на меня во все глаза, — высокая, в красном пуховике, с растрёпанными после ветра волосами. Потом молча шагнула вперёд и обняла меня так крепко, что у меня перехватило дыхание.

— Дура, — сказала она в плечо. — Дура ты, Анька. Восемь месяцев.

— Знаю, — сказала я.

— Я тебе сто раз говорила: сходи к врачу.

— Знаю.

— Ты вообще себя не чувствуешь?

— Не чувствую.

Она отстранилась, посмотрела на мой живот — на тот самый живот, который я все эти месяцы прятала под свитерами и платьями, — и вдруг засмеялась. Сквозь слёзы, как умеют только подруги.

— Ну ничего себе, — сказала она. — Анька, у тебя будет ребёнок.

Мы просидели на кухне до двух ночи. Я рассказала ей всё: про Казань, про поезд, про мужчину, чьего имени я даже не помню. Ленка слушала, не перебивая, только иногда качала головой. Потом спросила:

— Ты его искать будешь?

— Нет, — сказала я.

— Почему?

Я задумалась. Долго, честно. Потом ответила:

— Потому что это была не история. Это была случайность. И ребёнок — не продолжение той случайности. Он сам по себе. Она сама по себе. Я не хочу, чтобы она выросла в чьей-то недописанной главе.

Ленка смотрела на меня долго, потом кивнула.

— Ладно, — сказала она. — Тогда мы справимся сами. Втроём. Я, ты и она.

— Втроём, — согласилась я.

На следующий день я пошла на работу и сказала Верочке. Просто вошла в кабинет, села за стол, посмотрела на неё и выпалила:

— Вер, я беременная. Восемь месяцев.

Верочка уронила ручку. Потом подняла её, потом снова уронила. Потом сказала:

— Ты серьёзно?

— Серьёзно.

— Восемь месяцев?!

— Восемь.

Она встала, обошла стол, посмотрела на меня снизу вверх — я была выше, — и вдруг всплеснула руками:

— А я-то думала, ты поправилась! Господи, Анька, а я думала, ты просто поправилась!

— Я тоже так думала, — вздохнула я.

К обеду знал уже весь офис. Ко мне подходили, поздравляли, кто-то смотрел с любопытством, кто-то с сочувствием, а бухгалтерша Галина Петровна, женщина строгая и неразговорчивая, вдруг сказала мне в коридоре:

— Анна, вы не бойтесь. В сорок рожают, и ничего. У меня сестра в сорок два родила, и мальчик здоровый. Главное — не нервничайте.

Я кивнула и почему-то заплакала. Опять. Кажется, с того дня в клинике я плакала по любому поводу — от жалости, от доброты, от новостей по телевизору, от того, что в магазине не было моих любимых вафель.

Шеф, немолодой мужчина с усами, вызвал меня к себе и без предисловий сказал:

— Анна, я вас не гоню. Работайте, сколько сможете. Но давайте найдём вам помощницу, чтобы вы не таскали рукописи домой. И вообще — вы теперь не одна. Берегите себя.

Я вышла из его кабинета ошарашенная. Мне сорок лет, а меня впервые в жизни так вот — по-человечески, по-отечески — пожалели на работе. Раньше это было бы унизительно. Теперь — нет.

А потом был выходной. Первый выходной после того, как я всё узнала. Я проснулась поздно, часов в десять, и лежала в постели, положив руку на живот. Девочка внутри ворочалась — я уже научилась её чувствовать, уже различала, когда она спит, а когда толкается. Утром она всегда толкалась. Как будто говорила: «Я тут. Не забывай про меня».

Я встала, оделась — в то самое серое платье, которое теперь уже не застёгивалось на животе, — и пошла в торговый центр. Сначала просто так, без цели. Ходила между магазинами, смотрела на витрины, ничего не покупала. А потом ноги сами привели меня в детский отдел.

Я остановилась у входа и замерла. Передо мной был целый мир: крошечные комбинезончики, розовые и жёлтые, пинетки размером с мой мизинец, шапочки с ушками, подгузники в огромных упаковках, бутылочки, соски, погремушки. Мир, в котором я никогда не была. Мир, который всегда был для других.

Продавщица, молодая девушка с бейджиком «Марина», подошла ко мне и спросила мягко:

— Вам помочь? Что ищете?

Я открыла рот и не смогла ничего сказать. Просто стояла и смотрела на эти крошечные вещи, и в горле был ком.

— Я… — выговорила я наконец. — Я не знаю. У меня… у меня будет девочка. Через месяц. И у меня нет ничего.

Марина не удивилась. Наверное, она видела всякое.

— Понимаю, — сказала она спокойно. — С чего начнём? Есть базовый набор: боди, ползунки, шапочки, пелёнки. Могу показать.

Я кивнула. И следующие два часа ходила за ней по магазину, слушала про размеры «на новорождённую», про то, что брать надо «на вырост», про то, что комбинезон лучше на молнии, а не на кнопках. Я трогала ткань, выбирала, сомневалась, возвращала и брала снова. И когда на кассе мне посчитали покупки, я расплатилась, взяла два больших пакета и вышла на улицу, где падал снег.

Дома я разложила всё на диване. Розовое, жёлтое, белое. Крошечные носочки, крошечные рукавички-царапки, крошечная шапочка. Я сидела над этим богатством и понимала, что это уже не сон. Не тест, не монитор, не слова врача. Это — вещи. Настоящие вещи для настоящего человека, который скоро придёт в мою жизнь.

Я взяла в руки маленький комбинезончик — жёлтый, с вышитым зайцем на груди, — и приложила к животу. Девочка внутри толкнулась. Один раз, коротко, точно в ладонь.

— Ну привет, — прошептала я. — Значит, тебе нравится.

За окном темнело. Я сидела на диване, среди детских вещей, одна в своей пустой квартире, и впервые за долгие годы мне не было ни страшно, ни одиноко. Было просто тихо. И тепло. И кто-то — маленький, упрямый, живой — толкался у меня под ладонью, как будто напоминал: «Ты не одна. Я здесь».

Глава 6. Кроватка

Коляску я купила через неделю. Долго выбирала — в интернете, по отзывам, по видео, где бодрые женщины в спортивных костюмах складывали и раскладывали модели одной рукой. В итоге выбрала простую, тёмно-синюю, с люлькой и прогулочным блоком. Продавец в магазине, молодой парень с бородкой, спросил:

— Вам на когда?

— На декабрь, — сказала я.

Он присвистнул:

— Скоро совсем. А вы спокойная такая.

— Я хорошо умею притворяться, — ответила я, и он засмеялся.

Коляску привезли на следующий день. Коробка была огромная, я еле затащила её в квартиру, распаковала в коридоре и собрала по инструкции — долго, с матами, с перепутанными колёсами. Когда наконец поставила её в прихожей, готовая, новенькая, блестящая, я села на пол рядом и засмеялась. У меня в квартире стояла коляска. У меня. Той самой Анны, которая шесть лет пила чай у окна и разводила фиалки.

Кроватку выбирали вместе с Ленкой. Она приехала в субботу, притащила с собой ноутбук и расположилась на кухне, как штабной командир.

— Так, — сказала она, открывая сайт. — Размеры, материалы, безопасность. Я тебе плохого не посоветую, у меня племянник, я знаю, о чём говорю.

Мы просидели три часа. Ленка спорила со мной, я спорила с ней, потом мы пили чай, потом снова спорили. В итоге выбрали светлую деревянную кроватку с маятником — «чтобы укачивалась», — и я заказала её с доставкой. Ленка, довольная, откинулась на стуле:

— Всё, Анька. Осталось дождаться.

— Осталось дождаться, — повторила я.

И вот тут, на этом самом месте, меня впервые по-настоящему накрыло. До этого всё было как во сне: тесты, врач, вещи, коляска, кроватка. Я ходила, покупала, раскладывала, слушала Ленку, улыбалась Верочке, кивала шефу. А в ту субботу, когда Ленка уехала и я осталась одна, я села на диван и поняла, что до родов — меньше месяца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.